

## ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ТРАНССПЕКТИВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Делается попытка рассмотреть историю психологии в перспективе ее парадигмальных сдвигов. Опираясь на трансспективный анализ, автор выявляет основания прогрессивного развития психологической науки как открытой самоорганизующейся теоретической системы. Транспективный анализ рассматривается так же, как методологическое средство изучения самоорганизующихся психологических систем. Утверждается, что современная психология движется к постнеклассической парадигме, в рамках которой психика и сознание получают новое объяснение.

Можно утверждать, что обнаруживаемая философией науки и находящая свое подтверждение в других науках, смена исследовательских установок, идущая по линии классицизм – неклассицизм – постнеклассицизм, все больше начинает признаваться и в психологии. Доказательством может служить рост публикаций в ведущих психологических периодических изданиях, связанных с проблематикой исторически закономерной смены идеалов научной рациональности, впрочем, как и появление специализированных журналов [1–6].

С некоторым запозданием, но психология все-таки приступает к осознанию себя как развивающегося целого, что связано со своеобразием нашей науки, которая, в отличие от других наук, перманентно находится в «методологическом напряжении», связанном с определением собственного предмета. При этом она все-таки продолжает оставаться наукой, из чего следует, что в ней, так же как и в других науках, идут (должны идти) процессы «перерождения научной ткани» (Л.С. Выготский), укладывающиеся в рамки указанной «триады» – классицизм, неклассицизм, постнеклассицизм. Особенность современного этапа развития психологии заключается в том, что будучи наукой специфической (в указанном плане, но с учетом всех отсюда вытекающих последствий) психология пока не смогла отразить идущие в ней процессы. Поэтому она вынуждена опираться на опыт других наук и достаточно быстро, а потому и не всегда эффективно, переносить на себя универсальное, но добытое «в других краях» знание.

Сущность постнеклассицизма в том, что он центрирован на решение проблемы саморазвития, присущего «человекомерным» (В.С. Степин [11]) открытым (самоорганизующимся) системам. К числу таких систем можно отнести как человека, так и науку – определенным образом организованную деятельность большого количества людей. Однако пока ориентация научной психологии на идеалы постнеклассицизма осуществляется своеобразно. Две ключевых миссии постнеклассики, к числу которых я отношу динамический анализ развития психологии через призму понимания ее в качестве саморазвивающейся научной системы и теоретическое (системное) переопределение предмета науки, остаются пока за пределами круга методологических проблем, обсуждаемых в психологии. Кажется, что для психологии сейчас самое важное заключается в поиске доказательств того, что и она, наравне с другими науками, в своем становлении подчиняется общенаучным закономерностям, конституирующим себя фактом наличия в истории психологии всех трех стадий развития, адекватным трем указанным типам рациональности.

В целом и этого не так уж мало, если представить возможные последствия, отсюда вытекающие. Нас

слишком долго убеждали сначала эпистемологи (Т. Кун, например), а потом и мы самих себя, в том, что психология является наукой «допарадигмальной», «принципиально непарадигмальной», «мультипарадигмальной», «перманентно кризисной», т.е. не способной на научные революции, в горнилах которых, как утверждает неклассическая эпистемология, и формируются новые парадигмы. Кажется, что мы со всем этим настолько согласились, что уже с трудом принимаем мысль о смене парадигм, которые, оказывается, в психологии не только были, но и есть. Существуют, следовательно, и «парадигмальные сдвиги», предполагающие определенную преемственность в становлении психологического познания.

Трудно предсказать, как изменится образ науки для ее работников, если окажется, что движение психологического познания может быть представлено в виде закономерной смены парадигм, определяющих формы психологического мышления. Что никогда, таким образом, объективно не существовал разрыв между прошлым, настоящим и будущим науки, субъективное ощущение которого столь упорно преследует психологов, убеждая их в существовании «перманентного кризиса» науки. Что на смену гомогенному миру классического знания приходит не мир, опирающийся на «культ фрагментарности», порожденный неклассикой, но мир, в котором «знания в лохмотьях» (М. Серр) начинают стягиваться к некоторому центру, по отношению к которому острова локального знания ощущают себя в качестве составной части единого архипелага, называемого «научная психология».

О важности проблемы говорит уровень напряжения внутри психологического сообщества, который объективируют психологические форумы и съезды. На мой взгляд, сегодня степень взаимопонимания в научном сообществе продолжает уменьшаться пропорционально росту разнообразия предлагаемых объяснений, фундированного приростом «равноправных» («пусть цветут все цветы») теорий. Снять это напряжение не помогут ни благие призывы к межконцептуальной коммуникации, ни мечты о «методологической толерантности». Самопроизвольно множатся «знания в лохмотьях», а выстроенные локальными парадигмами, на которых базируются теории, «концептуальные перегородки» недостаточно проницаемы для конструктивного диалога. В такой ситуации нет критериев для отделения «хороших» теорий от «плохих», невозможно даже «борьба теорий за выживание», к которой апеллировали практически все представители неклассической эпистемологии в прошлом веке, перенося в науковедение дарвинское понимание механизмов эволюции. Даже для борьбы необходимо взаимодействие, фундированное исходным соответствием.

Почему это все происходит и где же тут та самая самоорганизация науки, о которой пытается говорить автор? Происходит это, на мой взгляд, потому, что неклассическая наука свою функцию все-таки выполняла: она постепенно «размыла» тот совместно разделяемый контекст, наличие которого является обязательным условием, обеспечивающим взаимодействие концепций как необходимое условие внутринаучной коммуникации. Она подорвала доверие к пониманию психики как отражению реальности. Это понимание психики зримо, или незримо, практически до сих выполняет функцию того самого совместно разделяемого контекста, которое позволяет психологам чувствовать себя представителями одной науки. Его по-прежнему транслируют учебники психологии, правда, уже без прежнего энтузиазма – с оговорками, умолчаниями.

Две линии движения психологической мысли образовались в неклассическую эпоху для того, чтобы сойтись в постнеклассической науке. Классицизм исполнял свой «гимн природе» (человек – вещь среди вещей, необходимо субъективное исследование объективными методами), и, чтобы заглушить его, неклассицизм исполнил свой «гимн человеку». И поскольку этот гимн исполнялся скорее как протест против ущербного образа человека, которым пользовался классицизм, исполнялся для того, чтобы подорвать позитивистские установки, то он и не нес в себе новых конструктивных установок, а в большей степени «расчищал место» для них. Постнеклассицизм приходит для того, чтобы, с одной стороны, ограничить неклассицизм, а с другой – продлить тему человека как предмета психологической науки, начатую неклассицизмом.

Вторая линия в неклассицизме – это развитие представлений о психике в контексте (само)регуляции – психика стала пониматься уже не просто как аппарат отражения, но как орган, выполняющий некую функцию. «Единство психики как системы выражается в ее общей функции: являясь субъективным отражением объективной действительности, психика осуществляет регуляцию поведения» [7. С. 87].

Интересно, что, возникнув в неклассической науке, эти линии разошлись даже географически: «гимн человеку» исполнялся в большей степени на одном конце света в рамках «понимающей» (идеографической) психологии, а на другой его стороне преимущественно открывались «общие закономерности психики» в рамках «объясняющей» (или номотетической) психологии. Между двумя ветвями неклассической науки никогда не было большого взаимопонимания, да они и не опознавали друг друга как разные стороны единого. Согласие между теми, кто хочет «объяснять психику», с теми, кто хочет «понимать человека», возможно только в том случае, если сработает новая установка: *чтобы объяснять психику, нужно определенным образом понимать человека.*

На мой взгляд, обретение такой установки является основным условием сближения «академической» и «прикладной» психологий, каждая из которых живет своей, достаточно автономной жизнью. На деле есть только наука, имеющая более или менее выраженный прикладной аспект, но невозможна отдельная «прикладная наука», которая ничего не «прикладывает», тем более не может

быть, и здесь я согласен с М.К. Мамардашвили, отдельной «науки о приложении» [8].

Иными словами, за этим внешним разбродом теорий, который мы наблюдаем сегодня, скрывается поиск нового совместно разделяемого контекста, который позволил бы сблизить «объясняющую» и «понимающую» науки. Постепенно приходит осознание того, что эта интеграция невозможна в плоскости актуального бытия науки. Необходим выход к мышлению более высокосистемного уровня, которое способно преодолеть разрыв между человеком и его психикой, который обнажил неклассицизм, когда на одном полюсе науки располагается человек (без психики), а на другом – психика (без человека). А сделать это не удастся, не преодолев остальные дихотомии (между материей и духом, психическим и физическим, субъективным и объективным, внешним и внутренним и т.д.). Причем преодолеть эти разрывы не по очереди, не по одному, а все вместе, в рамках одной системы. Понятно, что это очень сложно сделать, а в пределах одной науки просто невозможно, но именно эту установку на интеграцию несет в себе постнеклассицизм, на данной стадии предлагая свой ответ на «вечный» вопрос о том, каким образом человек может стать предметом именно психологического исследования.

Издержки же этапа «вхождения в постнеклассицизм» заключаются в том, что в отсутствие представлений о динамике развития психологии как саморазвивающейся теоретической системы, возникает достаточно наивное представление о том, что психология начинает это вхождение «с чистого листа». Отсюда берет начало стремление привычно примерять на себя чужие одежды, не столько самоопределяясь, сколько определяя ту науку, которая смогла бы именно сегодня стать новым образцом для организации научной (психологической!) практики. Ранее в качестве такого образца выступали естественные науки, сегодня на это место прочат культурологию [2, 3]. Использование принципов герменевтики и нарративного анализа в психологическом исследовании, которое ранее воспринималось как частный пример более или менее эффективного межпредметного взаимодействия, сегодня рассматривается едва ли не как критерий отнесения самого исследования к разряду научных работ, знаменующих собой наступление «постнеклассической эры» в нашей науке.

Даже понимая необходимость происходящего и, тем самым, принимая его неизбежность, все равно остается чувство, когда по-человечески «за державу обидно». Суть «обиды» в том, что в нашей науке всегда шел и продолжает идти процесс трансформации профессионально-психологического мышления, которое уже давно осваивает и уже во многом освоило то, что сегодня называют «новыми идеалами рациональности», а мы не можем этот процесс объективировать. Не побоюсь заявить, что вся история нашей науки являет собой пример непрерывного и драматического восхождения к этим идеалам, в результате чего психология может служить примером и источником позитивных метафор для многих сфер гуманитарного (и не только) познания.

У нас нет оснований для переживания «комплекса неполноценности», который продолжает заявлять о себе в том, с какой готовностью мы продолжаем реду-

цировать образцы мышления и способы исследования из наук, которые изучают другие, зачастую более низкие, формы организации живой и косной (по В.И. Вернадскому) материи. В данном случае неважно, идет ли речь о гносеологическом, кибернетическом, культурологическом, герменевтическом, синергетическом, социологическом и тому подобном редукционизме. Важно отметить другой аспект этой проблемы: новые познавательные установки мы пересаживаем на почву психологии, не соглашаясь с тем потенциалом постнеклассического мышления, который накоплен в ней естественным путем.

Разве не обедняем мы самих себя, автоматически зачисляя Л.С. Выготского в «неклассики», только потому, что он работал в «эпоху неклассицизма»? Его мышление по уровню системности вполне постнеклассично, только для осознания этого необходимо и мышление соответствующего уровня системности. Нельзя рассмотреть зарождение и становление постнеклассической мысли в психологии, глядя на прошлое науки вполне «классическим» взором, который в принципе аисторичен. Что касается Л.С. Выготского, то не было в нашей науке ученого, более остро чувствующего тенденции развития науки и способного уходить вдоль этих силовых линий настолько далеко, что и сегодня от его творчества исходит только «ощущение высочайшей методологической культуры», отчего он и воспринимается как «Моцарт в психологии» (Ст. Тулмин). Есть ощущение, но нет осмысления. Мы не рассматриваем, какое влияние на ученого оказали идеи Ч. Шеррингтона, который первый ввел понятие «синергия», мы оцениваем Л.С. Выготского, опуская анализ того, как он понимал сущность и предназначение психики. А здесь психика уже не отражала объективную реальность, а «субъективно искажала» ее, упорядочивая тем самым хаос внешних воздействий, сваливающихся на человека. Через полвека синергетика выйдет к «параметрам порядка» в самоорганизующихся системах, причем выйдет на примере простейших физических и биологических систем, а мы на этих примерах начнем искать психологические аналогии и синергетические метафоры, имея в руках гораздо более продвинутые решения.

В данном случае Л.С. Выготский – только пример тому, как «классический» взгляд на историю психологии оказывается неспособным уловить в ней ростки постнеклассического мышления. Но таким же «линейным» образом оценивается и творчество В. Франкла, испытывавшего на себе влияние идей автора теории открытых систем Л. Фон Берталанфи. Постнеклассической науке предстоит осмыслить и то, что скрывает в себе «принцип коинциденции» Д.Н. Узнадзе и «принцип творческой самодеятельности» С.Л. Рубинштейна [9, 10].

Хронологический, парадигмальный, контекстный и другие методы историко-психологического исследования родились в недрах классицизма или неклассицизма, реализуют их идеологию, а потому несут в себе и свойственные им ограничения, устанавливающие пределы объяснительных возможностей. Любое научное исследование исторично и не только потому, что его автор творит в определенную историческую эпоху, а результаты его творчества с момента их получения становятся достоянием истории. Сам процесс индивидуального научного творчества есть только момент в

цепи общего движения прогрессивно эволюционирующего научного познания. Через ученого, хочет он с этим считаться или нет, проходит историческая трансспектива: пишет он сам, но руку его направляют те, кто был до него, и, в не меньшей степени, те, кто будут после него.

Историк, придерживающийся идеалов классической рациональности, видит состоявшийся процесс; для него непредсказуемость будущего заменяется закономерностью состоявшегося, он вынужденно фатализирует исторический процесс. Классицизм апеллирует к тому, «что есть», что уже стало, существует как факт, открыть который, описать и объяснить полагает своей задачей. Неклассицизм переключил внимание исследователей со ставшего на становящееся («здесь и теперь»), пытаясь примирить установку классицизма на изучение «того, что было» (хронологический подход) с принципом развития. Постнеклассицизм, подключая к анализу прошлого и настоящего их обусловленность будущим, поднимается к трансспективному анализу процесса становления. Здесь уже не надо искусственно совмещать принцип системности с принципами развития и детерминизма. Потому что объектом науки становятся саморазвивающиеся системы с присущей им самодетерминацией (системной детерминацией).

Выход в постнеклассицизм путем простого переноса в психологию новых познавательных установок обрачивается трансформацией методов научного исследования по аналогу тех наук, откуда следует перенос. В свою очередь, эта трансформация обуславливает подвижки на самых глубоких и определяющих уровнях организации науки, т.е. там, где формируется система представлений о предмете науки. Мы ведь пока еще не избавились от установки определять предмет исследования через используемые наукой методы исследования. Эмпирическое определение предмета психологии этому не препятствует, а теоретическое его определение пока отсутствует. В результате всего происходит сбой, дискредитирующий саму идею последовательной смены типов научной рациональности в психологии.

Не случайно М.С. Гусельцева считает важным «проартикулировать принципиальные различия между неклассической и постнеклассической рациональностью, поскольку многие психологи считают, что это «одно и то же», «причуда философов», придумавших такое понятие» [4. С. 103]. Отметим и вполне правомерно возникающий вопрос о том, как философствующие «чудики» назовут ту фазу развития науки, которая придет на смену постнеклассицизму. Нелепо было бы назвать ее «постпостнеклассицизмом», доводя до абсурда и без того неблагозвучную понятийную конструкцию.

Возникает этот вопрос в связи с вышеуказанным, вольным или невольным, игнорированием «миссии» постнеклассицизма – выделять саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы и познавать их в качестве своего объекта. Пытаясь ответить на него, можно сказать, что пока невозможно представить вид организации более сложный, чем самоорганизация, присущая, видимо, всему космическому универсуму, необходимой частью которого является человек. Сложно говорить об отдаленном будущем, но совершенно невоз-

можно прогнозировать появление каких-либо «постпостнеклассических» идей в ближайшем будущем. Трудно представить, как будут мыслить люди, когда избавятся хотя бы от понимания самих себя как случайных продуктов каких-то случайных процессов; продуктов, паразитирующих на «чистом теле Вселенной», вынужденных приспособляться к ней с помощью непонятно как (и для чего) возникшего в нас сознания. До сих пор наша наука на три четверти прописана в терминах «психологического гомеостаза». Образно говоря, идея самоорганизации, в которой саморазвитие понимается как необходимое условие существования открытой системы, раскачивает ортодоксальные мировоззренческие устои – как идеалистические, так и материалистические. Установки на определение исходной «первичности» Материи или Духа – это то, что препятствует освоению новых форм мышления, впрочем, как и то, что будет преодолено с их участием. Однако еще много времени потребуется для того, чтобы мышление высшего уровня системности по-настоящему прижилось – сначала в науке, а потом уже в повседневном сознании и мышлении людей.

Понимая всю сложность происходящего, можно предположить, что в актах указанного скептицизма мы, наверное, сталкиваемся еще и со своеобразной формой вытеснения. Ведь признание самого факта существования объективных тенденций развития науки, проявляющих себя в последовательной смене идеалов рациональности, может обречь ученых (по крайней мере тех, кто склонен к методологической рефлексии) на достаточно тяжкий труд профессионального самоопределения. Окажется вдруг, что ты все еще путаешься в «тенетах неклассицизма» или, хуже того, «застрел в классицизме», в то время как более молодые (или менее ригидные) коллеги уже используют мышление другого системного уровня, адекватное постнеклассицизму. Можно ли апеллировать к «методологическому либерализму» ученого и требовать от него соответствующей «толерантности», если все научные заслуги его, иногда очень значительные, были обречены на поприще «устаревшей» (или «на глазах устаревающей») парадигмы?

Кстати, такое самоопределение будет непременно происходить, если попытаться привязать конкретные научные теории (и стоящие за ними научные школы) к определенному типу рациональности. Например, такую задачу («можно ли получить основания анализа теорий психологии с позиции типов рациональности?») сформулировал П.А. Мясоед [5. С. 5]. Решить подобную задачу не так-то просто – для этого необходимо выделить достаточно строгую критериальную базу, позволяющую осуществить такую «привязку».

М.С. Гусельцевой, например, удалось выделить целых одиннадцать «принципиальных отличий» постнеклассической рациональности от неклассической [4]. Среди них называется и то, на которое я указывал выше, и которое, по моему мнению, способно стать базовым при подведении теории под тип используемой в ней рациональности. Речь идет о том, что объектом исследования в постнеклассической науке выступают уникальные саморазвивающиеся системы. Однако, с моей точки зрения, это не просто одно из «принципиальных отличий», которое можно обнаружить, сравни-

вая два типа рациональности. Это настоящий принцип, который нельзя просто упомянуть: из него следует, что если психолог не смог выделить (открыть, а не придумать) саморазвивающуюся систему, на исследовании которой он и сосредоточил свою деятельность, то он и не вышел на уровень системности мышления, адекватный постнеклассицизму. Все остальное уже не имеет принципиального значения: как говорится, «а во-вторых, достаточно во-первых». Примечательно, что до сих пор проблема выделения такой системы в психологии практически не поднималась – даже теми, кто вполне профессионально занимается методологией науки.

Сам В.С. Степин, выделивший в 1989 г. все три типа рациональности в научном познании, констатирует, что это различие употребляется уже в качестве «ходячей истины» в самых разных контекстах. Поэтому он просит «особо обратить внимание на ключевой признак этой типологии – коррелятивную связь между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект» [11]. Далее он указывает на то, что классическая, неклассическая, постнеклассическая наука предполагают различные типы рефлексии над деятельностью: от элиминации из процедур объяснения всего, что не относится к объекту (классика), к осмыслению соотносительности объясняемых характеристик объекта с особенностью средств и операций деятельности (неклассика) до осмысления ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности. «Важно, что каждый из этих уровней рефлексии и стратегий коррелятивен системным особенностям исследуемых объектов и выступает условием их эффективного освоения (простых систем как доминирующих объектов в классической науке, сложных саморегулирующихся систем – в неклассической, сложных саморазвивающихся – в постнеклассической)» [11].

Можно усмотреть противоречие в том, что с самого возникновения психология пытается представить себя как целостную теоретическую систему, но при этом продолжает удерживать в качестве предмета психику – нечто вполне эмпирическое, «самоочевидное», непонятное ни в своих функциях, ни в плане пространственно-временной организации. Психика не является самостоятельной открытой системой, т.е. находящейся в состоянии постоянного обмена со средой информацией, энергией, веществом. С ее помощью такой обмен осуществляет человек, по отношению к которому психика (сознание) выступает как присущий только ему сложнейший и специфический «орган отбора», «решето, процеживающее мир» Л.С. Выготский [12. С. 347].

Тезис, который отсюда вытекает, должен быть сформулирован жестко и однозначно. Никакая «постнеклассическая психология» невозможна, если предмет науки будет оставаться эмпирически определенным; теоретическое определение предмета психологии означает выделение такой открытой саморазвивающейся системы, изучение которой позволит объяснить психическое в его необходимости, миссии, предназначении, функции, содержательном составе и т.д. Центром такой системы является человек.

Уходит время, когда казалось, что еще немного, и мы, изучая психику, наконец, откроем ее истинную

функцию, а потом уже через функцию объединим и наши знания о ней, полученные в изолированных друг от друга моноаспектных теориях, многочисленных контекстах, в которых изучалось психическое. Всем опытом своего становления наука убедилась в том, как трудно построить систему знаний о чем-то, что само системой не является. Системность категориального аппарата науки, закономерности движения категорий в ней определяют не личностная концептуальная привязанность ученых, а та, поистине живая, открытая система, которая лежит в самом основании науки – ее предмете.

И все-таки основная преграда на пути превращения идеалов постнеклассической рациональности в парадигмальные устои науки заключается не в психологических коллизиях, которые вызывает этот переход, а в том, что остается проблемой объяснения той самой закономерности эволюции науки, которую фиксирует эта триада. Откуда берутся эти закономерности? Какую предопределенность они выражают своей направленностью – целевую, финалистическую, божественную? До тех пор, пока не удастся вскрыть природу этой закономерности, никто не будет до конца убежден в существовании тенденций развития науки, столь неумолимо предопределяющих наступление «новой эры» в психологии (впрочем, как и в других науках).

То, что эволюция науки предстает как ее (науки) прогрессивное усложнение, не было секретом уже для неклассической эпистемологии. Так, Т. Кун, полемизируя с К. Поппером, писал о том, что между ним и его оппонентом нет расхождения в понимании динамического процесса, в котором возникает научное знание. Он говорит также о том, что они оба отвергают представление, согласно которому наука прогрессирует путем кумулятивного прироста знаний, противопоставляя этому представлению концепцию «революционного процесса», в ходе которого старая теория отбрасывается и заменяется новой, поскольку оказывается неспособной «ответить на вызов логики, эксперимента или наблюдения» [13. С. 20].

Однако и концепция «научных революций», так легко укладывающаяся в рамки «марксистско-ленинской философии», основанной на теории развития (диалектике), в которой источником развития выступает противоречие, не может объяснить природу прогрессивной эволюции отдельной науки. И совсем уж за пределами для теории «научных революций» был бы вопрос о том, почему столь неуклонно нарастает уровень системности мышления ученых, работающих в разных науках. Представить только, что все науки, каждая из которых «отвечает» исключительно на вызовы своих экспериментов и наблюдений, которые в ней же и проводятся, вдруг синхронно начинают менять тип мышления, рассуждения и объяснения результатов экспериментов и наблюдений. Естественно, что этот вопрос и не возникал в неклассической эпистемологии, но подготовлен он был именно в ней – неудачами переноса в философию науки дарвинского понимания эволюции, возникшего в процессе выделения и изучения биогенетических систем. А соблазнов такого переноса (ввиду отсутствия других средств объяснения эволюционных процессов) не избежал ни один из представителей неклассической эпистемологии, включая

М. Полани, К. Поппера, И. Лакатоша, П. Фейрабенда и самого Т. Куна.

Постепенно рождалось представление о неких «силах», которые обеспечивают не любой, а именно прогрессивный характер эволюции. К. Поппер приходит к выводу о том, что каждое событие обладает предрасположенностью к своему осуществлению, причем предрасположенности он не сводит к простым возможностям, толкуя их как физические реальности «наподобие силовых полей» [14. С. 86]. М.К. Мамардашвили указывал на «потенции» движения мысли, которая «в отличие от возможности – есть *возможность, обладающая одновременно силой на свое осуществление*» [8. С. 150]. Заметим, что и Л.С. Выготский в свое время писал о системе объективных тенденций, «действующих за спиной отдельных исследователей и теоретиков *с силой стальной пружины*» [12. С. 124].

Если же посмотреть шире, выходя за пределы проблемы механизмов развития науки, то можно увидеть, что к таким же идеям о силах, обеспечивающих прогрессивное развитие любых эволюционирующих систем, приходили ученые, занимавшиеся решением, казалось бы, совершенно других проблем. Д.Н. Узнадзе, рассматривая движущие силы развития ребенка, полагал, что внутреннее потенциально содержит в себе некую силу, которая освобождается из состояния «простой потенциальности» при встрече с внешними условиями, «*которые подразумевает эта сила*» [10. С. 112]. С.Л. Рубинштейн писал о силах, которые человека, «включенного в ситуацию», выводят «за пределы ситуации», называя этот процесс уже не развитием, а становлением, которое соотносено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации [15]. Анри Бергсон, которого я считаю одним из «классиков постнеклассической науки», определял жизнь как «*усилие подняться по тому склону, по которому спускается материя*» [16]. Гораздо раньше Гегель высказал мысль о единстве человека с миром, которое является «разумным отношением», а разумное «*обладает абсолютной силой осуществляться* и всегда себя осуществляло; оно не так бессильно, чтобы ждать начала своего осуществления» [18. С. 95].

Можно и дальше демонстрировать, как давно (и как непросто) формируется и пробивается мысль о саморазвитии и самоорганизации, лежащая в исходных основаниях того, что мы теперь обозначаем обобщающим понятием «постнеклассическое мышление». Какими бы различными ни были методологические основания, на которые исходно опирались исследователи, они, как бы демонстрируя на самих себе действие сил, о которых писали, все равно приходили к некоему общему знаменателю: развитие не есть простое накопление «необратимых новообразований». Его необходимо понять как переход возможности в действительность. В целях дальнейшей изложения я добавлю: этот переход необходимо понять как осуществляющийся *самопроизвольно* и везде, где открывается эта реальная возможность. Именно поэтому все исследователи ведут речь о неких силах, которые заключены в тенденциях, предрасположенностях, стремлениях «за пределы», «прогрессирующей эволюции», «творческой эволюции» и т.д.

Итак, идет ли речь о науке, человеке или в целом о жизни, прогрессивную эволюцию их определяют некие «силы», пребывающие в потенции, некая активность, которая в определенных условиях обретает направленность, становясь настоящей силой, обеспечивающей движение системы по линии усложнения ее системной организации. И это уже больше, чем развитие, а потому и не укладывается в рамки представлений о противоречии как движущей силы развития, в рамки «борьбы видов за выживание». Это – становление, которое можно понять как характеристику открытых систем, как присутствующее им свойство, за счет которого обеспечивается устойчивость существования их в качестве открытой системы. В отличие от развития, которое иногда понимают и как обратное, инволюционное, «становления назад» не бывает. Симплификация, упрощение и уплощение системы – это ее деструкция, распад, гибель. Система, приближающаяся к равновесию, приближается к смерти. Не случайно Гегель определил старость как «безжизненную совершенную слитность субъективной деятельности со своим миром» [18. С. 96].

Интуитивно мы чувствуем на себе действие этих сил, но можно ли доказать их существование, скажем, в психологическом эксперименте? Здесь я вынужден сказать несколько слов о том, как состоялось мое личное «восхождение к постнеклассике», в надежде, что читатель согласится с тем, что анализ опыта такого восхождения может быть интересным не только для самого «восходящего».

В семидесятых годах прошлого века мы, я имею в виду себя и моих «соучеников» (по крайней мере пятеро из этой первой «плеяды» уже давно доктора наук), по научной школе Олега Константиновича Тихомирова, занимались исследованиями в области психологии мышления. В какое-то время эксперименты стали давать «странные» результаты, объяснить которые, оставаясь в рамках представлений о мышлении как деятельности саморегулирующейся, было невозможно. Исследование процессов смыслообразования в мыслительной деятельности как ее внутренних регуляторов показывало, что нет никакого процесса образования смыслов как того, чем специально занимается мыслящий человек. *Смыслы возникали сами*, причем локализовывались они в том, что составляло условия мыслительной деятельности, так что пришлось О.К. Тихомирову ввести понятие «ценностно-смысловая структура ситуации». Никто из нас тогда не думал, что мы напрямую столкнулись с продуктами самоорганизации, которые порождались в деятельности, но не самой деятельностью непосредственно. Они не порождались личностью, хотя мы по инерции называли их личностными смыслами. Наконец, они не порождались сознанием, поскольку оно само шло за ними – в поле ясного сознания всегда попадало только то, что имело смысл. Более того, они дислоцировались на предметах, составляющих объективные условия деятельности, выступая как их особые сверхчувственные качества, считающиеся эмоциями.

Здесь я на себе испытал истоки той самой силы, которая выносит исследователя на новый уровень системности мышления. Для того чтобы сохранить логику мышления, необходимо было сменить систему коорди-

нат – переместить ее в более высокую систему, поскольку эффекты, которые фиксировали эксперименты, порождались в системе более высокой, нежели изучаемая нами деятельность, сама являющаяся только ее подсистемой. Переход от исследования саморегуляции деятельности к изучению самоорганизации человека был предпринят.

Еще более интересное стало открываться в дальнейших исследованиях, когда оказалось, что смыслы бывают двух родов. Любые изменения на уровне поисково-познавательных потребностей тут же оборачивались динамикой ценностно-смысловой структуры на уровне «объективных условий» деятельности. Но в специально организованной ситуации эксперимента обнаруживались смыслы, в которых трудно было усмотреть «проекции потребностей в предмет». Поразительно, *но в предмет «проецировались» возможности человека*. И эта проекция приводила к тому, что кроме той значимости, которой обладал предмет по отношению к актуальной деятельности («тривиальной», как она задавалась ситуацией эксперимента), в нем открывалась возможность организации другой деятельности (мыслительной, творческой) и человек трансформировал тривиальную деятельность в мыслительную. Такие «смыслы второго рода» и были названы нами ценностями.

Здесь мы (теперь уже я и мои ученики) напрямую столкнулись с действием вышеупомянутых «сил», которые выносят человека «поверх барьеров», «за пределы ситуации». Главное, что эти силы возникают не в человеке и не во внешней для него объективной реальности, но там, где происходит встреча объективного и субъективного и где порождаются феномены субъективно-объективного, внутренне-внешнего свойства, а проще – общесистемные конструкции, становясь тем, что в синергетике называют «параметрами порядка». Так рождаются тенденции развития как силы, выводящие самоорганизующиеся системы к более высоким уровням системной организации. Иными словами, смысл без тенденции действовать есть нелепость, ничуть не меньшая, чем тенденция действовать без смысла. Свое, не ставшее пока своим, опознанное как конкретный предмет, обладающий особым сверхчувственным качеством, каковым и является смысл, переживается человеком не просто в своем вещном (информационном, энергетическом) составе, как то, без чего система не может обеспечить свое устойчивое существование (бытие в форме становления). Оно переживается еще и как состояние «напряженной возможности», включающее в себя тенденцию действовать – активность, воплощенную в направленности, или, другими словами, силу самоосуществления.

Что же получается? Основатель синергетики Г. Хакен пишет о том, что самоорганизация – это процесс, при котором упорядоченные структуры «создаются не какой организующей рукой, а самими системами, действующими без всякого воздействия извне» [19. С. 14]. У нас же получалось, что возможности (потенции) человека каким-то образом обнаруживают себя в виде системных качеств внешних для человека предметов, особых субъективных его измерений (ценность) и превращаются во вполне упорядоченные силы, которые направленно выводят человека как за пределы ситуа-

ции, так и его самого. Человек на наших глазах в условиях психологического эксперимента эволюционирует от простого состояния (тривиальная деятельность) к состоянию гораздо более высокой сложности (мыслительная деятельность, творчество).

Впрочем, Г. Хакен так определил самоорганизацию только в начале книги, а уже в конце «Принципов работы головного мозга» (как я полагаю, именно потому в конце, что предметом синергетического анализа стал человеческий мозг, и это несколько изменило некоторые стереотипы синергетического мышления) он напишет, что «взаимодействие внутреннего и внешнего приводит к появлению новых параметров порядка» и виной тому «внутренне-внешняя сеть, часть элементов которой представлена или хранится внутренне в разуме или мозге, а часть существует (хранится или внешне представлена) во внешней среде» [19. С. 298].

Нет возможности обсудить общее и различное в том, что открывали наши исследования и синергетические поиски Г. Хакена, когда он вступил на территорию психологии (мозг, разум). Поэтому я крайне обобщенно изложу свое понимание самоорганизации, которое, как я полагаю, возникло не как результат склонности к теоретизированию или особого вкуса к методологическим исканиям, а в ходе экспериментальной психологической работы, результаты которой иногда вынуждают экспериментатора становиться теоретиком. На базе этого понимания возникла теория психологических систем (ТПС) и особый способ изучения процесса становления человекообразных открытых систем (транссективный анализ) [20].

Любые открытые системы должны иметь возможность отбирать из окружающей среды только то, что нужно системе в данный момент для обеспечения устойчивого существования системы. Сложность открытой системы определяется сложностью присущего ей способа отбора значимого из окружающей среды, значит, сложностью аппарата, маркирующего безразличную среду в пользу системы, текущее состояние которой (как функциональной системы) весьма подвижно само по себе, но еще более важно, что оно меняется в самих актах взаимодействия со средой. Но эти органы, аппараты только маркируют, ставят метки на том, что соответствует в данный момент системе в хаотическом нагромождении всевозможного, что содержит в себе (и для себя) среда.

Суть самоорганизации заключается в том, что в основе лежит принцип самоотбора, который я сформулировал в виде «закона ограничения взаимодействий»: взаимодействие возможно там, где изначально существует соответствие между тем, что надо системе и тем, что отвечает этой надобности из того, что находится за ее пределами. Соответствие является причиной взаимодействия и проявляет себя актом состоявшегося взаимодействия. В онтологическом плане взаимодействие есть взаимопереход взаимодействующих сторон, т.е. оно обладает порождающим эффектом. С каждым взаимодействием система становится сложнее, вбирая в себя результаты предыдущих взаимодействий. Усложнение приводит к тому, что все новые (и более сложные) содержания среды становятся основаниями для возникновения новых параметров порядка. Это и есть сущность

становления. Порядок в ведомой нам Вселенной обеспечивается тем, что в ней вовсе не все может взаимодействовать со всем, рождая любые новые формы (модель настоящего хаоса). Упорядоченность взаимодействий есть основание для упорядочивания форм.

Транссективный анализ я считаю одним из методов постнеклассической науки, имеющей дело с самоорганизацией в человекообразных (саморазвивающихся) системах. Будучи *динамическим*, транссективный анализ является также и *темпоральным*, учитывающим детерминацию будущим; *тенденциональным*, т.е. выявляющим тенденции в становлении открытых систем, рассматривая их как градиенты – направления, в которых возможности обретают силу осуществляться; *прогностическим*, поскольку на этой базе можно делать достаточно обоснованные прогнозы относительно становления системы; *системным*, т.е. учитывающим детерминацию, которая идет от психологических (общесистемных) новообразований, производимых системой в актах взаимодействия со средой.

Если же проводить параллель между диалектическим и транссективным анализом, то последнее есть мышление, которое вызрело (вызревает) на базе диалектического мышления и содержит его в снятом виде. Основная установка диалектического анализа – это *развитие*, через которое (в котором) необходимо изучать любое познаваемое явление. Основная установка транссективного анализа – это *становление*, через которое (в котором) необходимо изучать особые объекты – открытые самоорганизующиеся системы. В первом случае источником *развития* считается *противоречие*, *двигателем развития* – *борьба* (новых и старых форм, противоположностей и т.д.). *Источником становления* является *соответствие*, приводящее к взаимодействию, сопровождающемуся порождением системных качеств – «параметров порядка», определяющих прогрессивную логику системогенеза.

Что уже удалось показать с помощью транссективного анализа? Самое главное – это совершенно другая картина онтогенеза и, соответственно, другое объяснение природы «кризисов развития» человека, которые оказались связанными со становлением очередных мерностей формирующегося многомерного мира человека. Вместе со становлением многомерного мира человека возникает и упорядоченно перестраивается его сознание, поднимаясь на новые уровни – от предметного к осмысленному, а от него к ценностному. Объяснение получила природа «чувства реальности» бытия, а также то, что происходит с человеком, когда это чувство деформируется при системных нарушениях. Удалось выйти к хронотопическим характеристикам человека, к пространственно-временной организации его жизненного пространства. Естественно, я не могу далее детализировать здесь то, что получено в процессе подготовки более чем пятидесяти докторских и кандидатских диссертаций, написанных в логике теории психологических систем, полагая, что они всегда доступны заинтересованному ученому.

В завершение я хотел бы сказать, что не постнеклассика приходит в психологию, потому что ее открыли академики, но они ее открыли, потому что психология, наравне с другими науками, уже давно вошла в ее пределы.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
2. Гусельцева М.С. Культурная психология и методология гуманитарных наук // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 3–18.
3. Гусельцева М.С. Методологические кризисы и типы рациональности в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3–15.
4. Гусельцева М.С. Типы методологических установок в психологии // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 98–103.
5. Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3–18.
6. Постнеклассическая психология. 2004. № 1; 2005. № 2.
7. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 443 с.
8. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. / Сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Прогресс: Культура, 1992. 415 с.
9. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–108.
10. Узнадзе Д.Н. М.: Изд. дом Ш. Амонашвили, 2000. 224 с. (Антология гуманной педагогики).
11. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Режим доступа: [http://filosof.historic.ru/books/c0026\\_1.shtml](http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml)
12. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
13. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. Вып. 3: Проблемы анализа знания. М., 1997. С. 20–48.
14. Поппер К. Мир предрасположенностей // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000.
15. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. 2-е изд. М., 1976.
16. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998.
17. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 302 с.
18. Гегель. Сочинения. М., 1958. Т. 3.
19. Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М.: ПЕР СЭ, 2001. 350 с.
20. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск, 2005. 172 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 2 ноября 2007 г.